

УДК 27-31
ББК 86.37
Ч-42

Чемберлен, Гастон.

Ч-42

Христос не еврей. Тайна Вифлеемской звезды : [перевод с английского] / Гастон Чемберлен, Джекоб Коннер. — Москва : Родина, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-907149-76-2

На протяжении многих столетий не затихают споры о происхождении Христа. Сенсационная книга «Иисус. Тайна рождения Сына Человеческого» — исследование Джекоба Коннера и Гастона Чемберлена, развенчивающее большинство мифов и домыслов о земной жизни Спасителя и Его Слове. Учение Христа, по мысли ученых, «не есть венец еврейской религии, а ее отрицание», сам же Сын Человеческий не был евреем по рождению.

В книге удивительным образом сочетаются историческая точность при описании земной жизни и происхождения Сына Человеческого и страстность людей верующих, уже почти забытые в наш век изящество стиля и утонченный интеллектуализм.

УДК 27-31
ББК 86.37

ISBN 978-5-907149-76-2

© Чемберлен Г., 2019
© Коннер Д., 2019
© ООО «Родина», 2019

Гастон Чемберлен

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА

Перед глазами нашими стоит яркое, несравненное явление, образ, переданный нам по наследству от наших отцов. Без полного понимания этого явления нельзя измерить и правильно оценить историческое значение христианства. А между тем в настоящее время, вследствие исторического развития Церквей образ Христа скорее затемнен и отодвинут вдаль, а не раскрыт перед нашими взорами. Смотреть на этот образ сквозь призму церковного учения, ограниченного местом и временем, — значит добровольно надеть на глаза шоры и ограничиться узкой меркой по отношению к божественному, вечному. Церковные догматы едва касаются образа Христа — они все так отвлечены, что не представляют никакой опоры ни для ума, ни для чувства; к ним применимы вообще слова бл. Августина о Святой Троице: «Говорится, однако, о трех лицах не потому, чтобы что-либо высказывалось, а только чтобы не молчать» («*Dictum est tamen tres personae, non ut aliquid diceretur, sed ne taceretur*»). Конечно, мы не имеем намерения нарушить должное уважение, если скажем: не в Церквях заключается могущество христианства, а единственно и исключительно в источнике, откуда сами Церкви черпают всю свою силу: в образе распятого Сына Человеческого.

Итак, явление Христа на земле надо отделить от всего исторического христианства.

И что значат наши девятнадцать веков для сознательного усвоения подобного события, для переворота, проникшего во все слои человечества и в корни изменив-

шего существующие мировоззрения? Подумать только, что понадобилось более двух тысячелетий, чтобы строение космоса, математически доказуемое и наглядно изображаемое, стало прочным всеобщим достоянием человеческого знания! Но разве не легче совладать с рассудком, вооруженным зрением и непогрешимой формулой $2 \times 2 = 4$, нежели со слепым, омраченным себялюбием сердцем? И вот рождается Человек и Своею жизнью производит полный переворот в нравственном мирозерцании: взгляды на нравственное значение человека, на отношения личности к самой себе, на отношения ее к другим и окружающей природе получили небывалое до тех пор освещение, так что все побуждения, все идеалы, мечты и надежды пришлось преобразовать и перестроить на новых началах! И думают, что огромное дело может завершиться в несколько веков! Думают, что этого можно было достигнуть всяческими недоразумениями, ложью, политическими интригами и вселенскими соборами, приказами безмерно честолюбивых королей и алчных пап, тремя тысячами томов схоластических рассуждений, религиозным фанатизмом ограниченных крестьянских душ, благородным рвением единичных лучших людей, войной, убийствами и кострами, сводами гражданских законов и общественной нетерпимостью? Я, со своей стороны, думаю, что это невозможно. Напротив, по моему убеждению, мы еще далеки, очень далеки от того момента, когда возрождающая сила явления Христа в полной мере повлияет на цивилизованное человечество. Если б наши Церкви в их теперешней форме погибли, то тогда христианская идея выступила бы еще ярче. Христианство еще находится во младенчестве, перед нашими робкими взорами едва брезжит его полный расцвет. Кто знает, не настанет ли день, когда кровавую церковную историю первых XVIII веков

будут рассматривать как летопись злых детских недругов христианства? Рассматривая явление Христа, не будем затемнять наше суждений никакими историческими обманами, а тем более преходящими современными взглядами. Будем уверены, что от этого наследия мы до сих пор получили лишь незначительную долю, и если мы хотим узнать, какое значение оно имеет для всех нас — христиан и евреев, верующих и неверующих, все равно, сознаем мы это или не сознаем, — то заткнем себе пока уши и среди хаоса вероисповеданий не будем слушать богохульств, позорящих человечество: обратим взор свой вверх, на несравненное явление всех времен.

В этой главе я не могу избежать необходимости рассмотреть критически многое, составляющее «рассудочную основу» различных религий. Но так как я оставляю нетронутым то, что таю как святыню в своем собственном сердце, то надеюсь, что не оскорблю чувств всякого другого разумного человека. Историческое явление Христа вполне можно отделить от присущего ему сверхъестественного значения — точно так же можно заниматься физикой на чисто материалистическом основании, не думая при том свергать метафизику с ее трона. О Христе, конечно, трудно говорить, не касаясь время от времени загробной жизни; однако самой веры как таковой все-таки нет надобности затрагивать, и если я в качестве историка рассуждаю логически и убедительно, то готов принять все те возражения, какие читатель почерпнет не из своего разума, а из своего сердца. Сознавая это, я буду говорить в следующей главе так же чистосердечно, как и в предыдущей.

РЕЛИГИЯ ОПЫТА

Религиозные верования более двух третей всех обитателей земли связаны в настоящее время с существованием на земле двух людей: Христа и Будды, — людей, живших всего двадцать веков тому назад о которых исторически доказано, что они действительно жили и что предания, о них повествующие, сколько бы они ни содержали вымышленного, шаткого, неясного, противоречивого, все-таки точно передают главные черты их исторической жизни. Но даже и без этого надежного результата научных исследований XIX века люди прозорливые и здравомыслящие не сомневались в действительном существовании этих двух великих нравственных героев; ибо хотя историко-хронологический материал о них крайне скуден и недостаточен, однако их нравственная и духовная индивидуальность так лучезарно стоит перед глазами, и эта индивидуальность так несравненна, что ее нельзя было выдумать. Дар вымысла у человека тесно ограничен — творческий дух может работать только имея данные. Гомер вынужден был возвести людей на Олимп, ибо то, что видел и переживал в действительности, ставило предел его творческой фантазии. Если он изображает своих богов во вполне человеческих образах; если он не позволяет своей фантазии блуждать в невероятном, недоступном воображению (ибо никогда не виданном); если он, напротив, сдерживает эту фантазию, чтобы употребить ее силу це-

ликом для изображения наглядных образов, то это только доказывает его духовное превосходство. Мы не в состоянии выдумать новую форму даже растения или животного — при подобных попытках нам разве удастся выдумать какого-нибудь уродца из составных частей всевозможных уже известных созданий. Напротив, неистощимо изобретательная природа постоянно показывает нам все новое и новое, когда ей вздумается; и это новое потом становится в нашем сознании так же неискоренимо, как прежде было неизобретаемо. Будду, а тем более Иисуса Христа не могла выдумать никакая творческая человеческая сила ни единичной личности, ни целого народа — нигде мы не находим тому ни малейшего указания. Никакой поэт, никакой философ, никакой пророк не мог и во сне измыслить подобного феномена.

Правда, часто упоминают о Платоне в связи с Иисусом Христом. Имеются целые книги, трактующие о мнимом соответствии между тем и другим — говорят, будто греческий философ был провозвестником нового учения о спасении. Неужели же господа ученые считают нас за дураков? Разве эллинский рационализм не становится тем суше, чем выше он возносится? Ведь люди были более всего далеки от всякой религии, от всякой возможности действовать на жизнь облагораживающим образом именно в тот момент, когда лучшие представители даровитейшего народа спорили между собой насчет необходимых свойств души (автономная, родственная с божеством и т.д.), когда они выставляли людям как идеал «идею о добре», тождественную с «идеей о прекрасном», и тому подобный вздор — плоды ума, сбитого с толку по той причине, что он стремился к невозможному? Ведь каждому ясно, что Платон достигает наибольшей высоты там, где он касается жизни, — в своем «Федре», своем «Пире», своем «Федоне»? А Сократ! Остроумный изобретатель грам-

матики и логики, честный проповедник филистерской морали, благородный болтун афинских гимназий, разве он не представляет во всем контраст с божественным Проповедником «царствия Божия, принадлежащего нищим духом»? В Индии также мало предчувствовали явление Будды, там тоже его образ не был вызван, как по волшебству, одною силою желанья. Все подобные предположения принадлежат к обширной области пустых историко-философских умствований. Если бы Христос и христианство являлись исторической необходимостью, как утверждает неосхоласт Гегель, то мы увидели бы появление не одного Христа, а целой тысячи; хотелось бы мне знать, в каком столетии явление Христа не было бы столь же необходимым, как хлеб насущный? О Христе пишет Шлегель («Philosophie der Geschichte», Th. III A. 3 глава 2): «Он родился, как человек, в отвлеченной субъективности, но так, что бренность есть лишь форма Его явления, а сущность и содержание составляют скорее бесконечность, абсолютное бытие в себе. Природа Божия быть чистым духом раскрывается человеку в христианской религии. Что же такое дух? Это то единое, равное самому себе, бесконечное, чистая тождественность, которая вторично отделяет себя от себя, как повторение самого себя, как бытие для себя и в себе против общего. Это отделение уничтожается однако тем, что атомистическая субъективность как простое отношение к себе есть это самое общее, с самим собою тождественное». Что скажут грядущие века на такое пустословие? Две трети XIX века считали однако эту абракадабру высшей мудростью.

Итак, оставим в стороне такие соображения, страдающие бессилием мысли, — они способны только затемнить и изгладить единственное решающее и продуктивное значение живой, индивидуальной несравненной личности. Кстати вспоминается великое слово Гёте:

Высшее счастье детей земли
Есть только личность!

Правда, среда, окружающая личность, знакомство с местом и временем ее существования дает ценные данные для ясного понимания этой личности; путем такого исследования мы научаемся различать важное от неважного, характерно индивидуальное от местно-условного; то есть это поможет нам еще яснее понимать личность. Объяснить же ее, пытаться доказать ее как логическую необходимость — это праздная, глупая затея; каждый образ, даже образ какого-нибудь жука, есть «диво» для человеческого рассудка, человеческая же личность — есть высочайшая тайна бытия (*mysterium magnum*), и чем более критика очищает великую личность от всяких примесей и легенд, чем больше ей удастся доказать, что каждый из ее поступков, так сказать, вытекает из природы вещей, тем еще необъяснимее становится чудо. Вот каков результат критики, занимавшейся в XIX столетии жизнью Иисуса. Наш век принято называть нерелигиозным; однако никогда еще (после первых веков христианства) интерес людской не сосредоточивался так страстно на личности Иисуса Христа, как за последние 70 — 80 лет; сочинения Дарвина — при всей их широкой распространенности — распродавались в десять раз медленнее, чем произведения Штрауса и Ренана. И окончательным результатом было то, что действительная земная жизнь Иисуса Христа приобрела все более и более конкретный образ; и все яснее и яснее сознавалось, что само возникновение христианской религии в конце концов следует отнести к беспримерному впечатлению, произведенному этой личностью на окружающую среду и внедрившемуся в нее. И теперь определеннее, чем когда-либо, и поэтому непостижимее, чем когда-либо, стоит перед нами это грандиозное явление.

Вот что мне хотелось установить прежде всего. Все направление нашего времени таково, что мы способны воспламеняться только конкретным, живым. В начале XIX столетия было иначе — романтизм бросал тень во все стороны, поэтому и вошло в моду все и вся объяснять в мифическом смысле. В 1835 году Давид Штраус последовал примеру, который видел вокруг себя, и предложил в качестве «ключа» (!) к Евангелиям понятие о мифе¹. Ныне всякий поймет, что этот мнимый ключ не что иное, как новое туманное перефразирование проблемы, все-таки остающейся неразрешенной, и что не какое-нибудь «понятие», а единственно Существо, действительно жившее на земле, исключительное, ни с чем несравнимое обаяние Его личности, какого еще никогда не испытывал свет, дает ключ к народжению христианства. Чем больше обнаруживалось балласта, с одной стороны, в виде псевдомифического (вернее, псевдоисторического), легендарного материала, а с другой — в форме философско-догматических умозрений, тем больше жизненной силы должно признать за первоначальной движущей и созидающей причиной. Новейшая строго философская критика доказала несомненную глубокую древность Евангелий и подлинность рукописей, которыми мы располагаем; удалось проследить именно первые времена христианства строго исторически, почти шаг за шагом; но все это с точки зрения общечеловеческой гораздо менее важно, чем тот факт, что благодаря этим результатам образ Богочеловека выдвинут на передний план, так что и верующий и неверующий уже не могут не признавать Его центральным пунктом и источником христианства в самом широком смысле этого слова.

БУДДА И ХРИСТОС

Я уже раньше сопоставлял Будду и Христа. За последние тысячелетия ядро религиозных представлений у всех наиболее одаренных человеческих рас (за единственным исключением небольшой еврейской семьи, с одной стороны, и их антиподов — браманских индийцев — с другой) зиждется не на потребности объяснения вселенной, не на мифологической символике природы или на мечтательном трансцендентизме, а исключительно на опыте великих характеров. Правда, среди нас еще носится химера «религии разума»; за последние годы зашла даже речь о «замене религии чем-то высшим», и новоиспеченные «поклонники Вотана» во время солнцеворота приносили жертвы на вершинах гор в известной местности Германии; но ни одно из этих движений до сих пор не обладало ни малейшей частичкой силы, способной перевернуть мир. Идеи бессмертны — я уже не раз повторял это и скажу еще, — а у таких личностей, как Будда и Христос, идея — именно известное представление о человеческом бытии — достигает такого живого воплощения, идея эта переживается так полно, так ясно выступает перед глазами всех и каждого, что она никогда уже не может исчезнуть из человеческого сознания. Иной, пожалуй, никогда не видел Распятого, иной, может быть, пройдет мимо этого явления, у тысяч людей, даже из числа нас, недостает того, что можно бы назвать внутренним чутьем, чтобы за-

метить это явление; но если кто хоть раз узрел Иисуса, хотя бы сквозь густое покрывало, тому уже нельзя забыть Его: не в нашей власти изглаживать пережитое из нашего сознания. Человек христианин не потому, что он воспитан в той или другой Церкви, и не потому, что он хочет быть христианином, но он христианин потому, что должен быть им; ни суета мирская, ни бред себялюбия, никакие умствования не смогут изгладить из его души развиденный образ Страстотерпца. Христос накануне Своей смерти на вопрос учеников Его о значении Его поступков отвечал им: «Я дал вам пример». Вот значение не только того или другого из Его поступков, но и всей Его жизни и Его смерти. Даже такой строгий церковник, как Лютер, пишет: «Пример Господа нашего Иисуса Христа — в то же время таинство; Он силен в нас и не только действует, как действуют на нас примеры отцов, но и поучает, дает жизнь, воскресение и избавление от смерти».

Мировое могущество Будды основано на подобном же начале. Истинный источник всякой религии есть, повторяю, у большинства ныне живущих людей не учение, а жизненный пример. В силах ли мы по своей немощи следовать примеру — это другой вопрос. Но идеал сияет перед нами ясный, несомненный и уже целые века действует с несравненной силой на помышления и поступки людей, даже и неверующих.

Но об этом я скажу в другом месте. Если я коснулся Будды именно теперь, когда меня занимает единственно вопрос о явлении Христа, то сделал это в особенности потому, что благодаря сравнениям данный образ выступает еще ярче. Но сравнение должно быть подходящее, и кроме Будды я не знаю во всемирной истории другого лица, которое можно бы приравнять к Христу. Обоим свойственно божественное величие, оба воодушевлены желанием

указать человечеству путь к спасению, оба представляют собой личности неслыханной мощи. И все-таки, если поставить эти две фигуры рядом, то нельзя провести между ними параллели, а можно только подчеркнуть контраст между ними.

Христос и Будда — две противоположности. Сближает их одна общая черта — возвышенный дух; из него протекала жизнь, не имеющая равной, а из жизни — огромное захватывающее влияние, какого еще не видывал свет. В остальном же их разделяет почти все, и необуддизм, который за последние годы распространяется в некоторых слоях европейского общества, якобы в теснейшем единении с христианством и переступая даже за его пределы, есть лишь новое доказательство широко распространяемой поверхностности общественной мысли. Жизнь и учение Будды представляют, однако, полный контраст с учением и жизнью Христа, то, что диалектик называет анти-тезой, а физик — противоположным полюсом.